

КРИТЕРИИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ «ОПАСНОСТИ» ПСЕВДО-АНАЛОГОНИМОВ («ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ»)

Даниель Бунчич (Кельн, Германия)

Понятие «ложные друзья переводчика» Хэйуорд и Мулен (1984: 190) определяют, используя терминологию Соссюра: это два слова в разных языках, «означающие» (формы) которых «более или менее похожи» (Гаугер 1989: 581¹), но чьи «означаемые» (значения) отличаются. В качестве примеров этого явления можно привести рус. *стол* — блг. *стол* ‘стул’, рус. *гора* — блг. *гора* ‘лес’ или рус. *страна* — блг. *страна* ‘страна; сторона; щека’.² К сожалению, термин «ложные друзья» используется разными авторами в разных значениях, поэтому в данной статье употребляется термин *псевдо-аналогонимия*, предложенный Хенгстом (1977: 252) и имеющий четкую синхроническую дефиницию (см. Бунчич 2000: 17), которая относится к лексемам одной части речи и избегает определения семантического различия.

Однако даже с таким четким определением, исключаящим многое, что часто трактуется как «ложные друзья»,³ псевдо-аналогонимия оказывается явлением очень неоднородным. Это относится, прежде всего, к вероятности ошибок, связанных с данной парой слов.

- (1) рус. *булка* = блг. *симид*
блг. *булка* = рус. *невеста; девушка*
- (2) рус. *читать* = серб. *читати* ‘читать в книге, газете и т. п.’
рус. *читать* = серб. *рецитовати* ‘читать наизусть’

Очевидно, что из приведенных здесь примеров рус. *булка* и блг. *булка* являются довольно безвредными «ложными друзьями», в то время как рус. *читать* и серб.

---

¹ »mehr oder weniger ähnlich«.

² Больше примеров из славянских языков можно найти в интернете на сайте «Ложные друзья слависта»:
http://www.uni-koeln.de/phil-fak/slavistik/fauxamis/index_ru.htm

³ Исключаются, между прочим, следующие явления:

- формальная интерференция, которую Свободова-Хемлова (1982) называет «presqu’amis» («почти друзья»), напр. рус. *свёкла* (ж. р.) — блг. *цвекло* (с. р.) ‘свекла’, рус. *площадь* (ж. р.) — блг. *площад* (м. р.) ‘площадь’;
- «варваризмы», называемые также «sans-amis» («без-друзей», Свободова-Хемлова 1982) или «mots-fantômes» («слова-фантомы», Муравьев 1985: 5 сл.), т. е. слова, не существующие в данном языке, напр. рус. *театр* — серб. ⁺*театр* (в серб. яз. — *позориште*);
- словоформы в разных «грамматических позициях» (Карпов 1998: 57), напр. рус. *грешка* (*грешок*, м. р., род. п.) — блг. *грешка* (ж. р., им. п.) ‘ошибка’;
- слова разных частей речи, напр. рус. *хотел* (глагол, прош. вр.) — блг. *хотел* (сущ., им. п.) ‘отель, гостиница’.

читати можно легко перепутать. Даже профессиональный филолог допустил здесь ошибку при переводе разговора с Александром Блоком с русского языка на сербский (оригинал: Алянский 1972: 109; перевод: Алянский 1971: 64). Хотя Мароевич (1989: 23) подвергает этот промах острой критике⁴, этот вид псевдо-аналогонимии несравненно сложнее, чем в примере 1.

В чем же заключается эта разница? Какие факторы влияют на неодинаковую степень «опасности» псевдо-аналогонимов? Думается, что формальное сходство всего лишь предоставляет *возможность* ошибки, но большая или меньшая степень сходства, вероятно, не влияет на вероятность смешения двух сходных форм (ведь и формы «верных друзей» бывают более или менее различными, ср. рус. *высыхать* — блг. *изсъхвам*, рус. *от* — укр. *від*). Поэтому данная статья ограничивается *семантической* стороной этого вопроса.

Большинство слов (как псевдо-аналогонимов, так и других) имеет по несколько значений. Это объясняется тем, что *полисемия* является лингвистической универсалией, необходимой для того, чтобы выразить бесконечное число возможных ситуаций рядом знаков (лексем), которым может овладеть человеческая память. Следовательно, язык без полисемии представлял бы собой «лингвистический ад» (Будагов 1963: 242).⁵

Поэтому, когда речь идет о значении слова, следует различать *отдельные значения* (на уровне *речи*), которых у одной лексемы могут быть несколько в зависимости от контекста, в котором данная лексема применяется, и *совокупное значение* (на уровне *языка*) как сумму отдельных значений. Например, у русского слова *воля* есть совокупное значение ‘пожелание; власть; свобода’, но в конкретном высказывании *воля* может появляться только в одном из трех отдельных значений — ‘пожелание’, ‘власть’ или ‘свобода’.⁶

На фоне **совокупного значения лексемы** как суммы отдельных значений омонимия оказывается лишь особым видом полисемии, так что в рамках данной статьи вполне возможно рассматривать отношение между значениями двух псевдо-аналогонимов, не акцентируя внимание на различии омонимии и полисемии.

⁴ «Није јасно како се преводиоца није досетио да се не може читати «опирући се обема рукама о наслон столице» него само рецитовати, говорити.» («Непонјатно, почему переводчику не пришло на ум, что нельзя читать в книге, «опираясь обеими руками на спинку стула», а только читать наизусть, говорить.»)

⁵ С этим выражением Будагов ссылается на Есперсена (Otto Jespersen), но, к сожалению, без конкретных данных источника.

⁶ Конечно, можно различать еще больше отдельных значений; напр., Ожегов (1999: 96) приводит две лексемы — *воля*¹ и *воля*², с пятью и двумя значениями соответственно.

На уровне совокупного значения можно говорить о *полной псевдо-аналогонимии*, когда значения двух лексем находятся в *отношении исключения*:

- (3) рус. **живот** = блг. *търбух, корем*
блг. **живот** = рус. *жизнь*
- (4) рус. **майка** = блг. *риза, кошуля*
блг. **майка** = рус. *мать; matka; гайка*

Такую псевдо-аналогонимию изучающему язык запомнить легче всего, так как логическое предложение, который учащемуся нужно освоить, сравнительно простое: $A \neq B$, напр. блг. *живот* $\neq$ рус. *живот*.

В случае *частичной псевдо-аналогонимии* изучающий язык должен дополнительно запомнить условия, в которых $A = B$, и условия, в которых $A \neq B$. Группу частичных «ложных друзей» можно далее разделить на подгруппы *отношения включения* и *пересечения*. В случае *отношения включения* один из псевдо-аналогонимов покрывает все значения другого, но последний имеет не все значения первого:

- (5) рус. **край** = блг. **край** ‘предельная линия; страна, область’
блг. **край** = рус. *конец*
- (6) рус. **брак** = блг. **брак** ‘супружество; плохой товар’
рус. **брак** = блг. *недостатък, грешка* ‘ошибка, дефект’

Здесь трудности возникают только в одном направлении, а именно при переводе с того языка, в котором псевдо-аналогоним имеет больше значений. К примеру, при переводе болгарского слова *край* со значением ‘конец’ возникает опасность его неправильного перевода русским словом *край*. В обратном случае русское слово *край* всегда оказывается правильно переведенным болгарским словом *край*, так как оно покрывает все значения русского аналогонима.

Еще более сложным представляется *пересечение* значений. В этой группе псевдо-аналогонимов *оба* аналогонима имеют значения, которых нет у ложного эквивалента:

- (7) рус. **исход** = блг. **изход** ‘результат; выход из плохого положения’
рус. **исход** = блг. *край* ‘конец’
блг. **изход** = рус. *выход*

Таким образом, этот вид псевдо-аналогонимии обладает недостатками как исключения, так и отношения включения: Из-за общих для обоих псевдо-аналогонимов значений их трудно различить, и ошибиться можно при переводе в обоих направлениях.

Милан (1989: 399), который проводит подобный семантический анализ «ложных друзей», указывает на то, что Ивир (1968: 152-154) упоминает и отношение эквивалентности, при которой семантика псевдо-аналогонимов — одна и та же. Такие «ложные друзья» отличаются, например, частотой употребления. Однако разная частота лексем всегда связана со стилистическими, прагматическими или малейшими семантическими различиями (если данные слова не относятся к реалиям, встречающимся неодинаково часто в сравниваемых языковых общностях), поэтому

представляется недостаточным называть этот феномен псевдо-аналогонимии (семантической) эквивалентностью. Вместо этого следует подробнее исследовать существующие отличия.

Отдельное значение, которое слово имеет в речи, тесно связано с ситуацией, в которой слово применяется. Значит, в конкретной ситуации опасность перепутать значение одного слова с значением другого существует только тогда, если оба псевдо-аналогонима по смыслу могли бы употребляться в данной ситуации. Поэтому многие пары слов, формально относящиеся к псевдо-аналогонимам, из-за неподходящего контекста вряд ли когда-нибудь приводят к ошибкам. Это относится, прежде всего, к тем псевдо-аналогонимам, экспоненты которых случайно сблизилась (или почти совпали) в ходе истории языка:

- (8) блг. **крик** = рус. *домкрат*
рус. **крик** = блг. *вик*
- (9) блг. **разбой** = рус. *ткацкий станок*
рус. **разбой** = блг. *обир*

Однако бывают и случайные псевдо-аналогонимии с большой вероятностью ошибки, и этимологически связанные слова могут семантически расходиться так далеко, что недоразумение уже почти невозможно. Последнее произошло со следующими лексемами, восходящими к глагольному корню **duma-* 'думать':

- (10) блг. **дума** = рус. *слово*
рус. **дума** = блг. *(Народно) събрание* '(государственный) парламент';
мисъл 'мысль'; *източнославянска народна песен* 'восточнославянская народная песня'

Стоит отметить, что при анализе опасности ошибок речь может идти только о вероятностях. Так как число возможных ситуаций бесконечно, никогда нельзя исключить такую, в которой два слова будут находиться в парадигматическом отношении, что может спровоцировать путаницу. Таким образом, ««ложный друг» не существует объективно между двумя языками, но относится всегда к одному индивидуальному говорящему» (Хашка 1989: 149⁷), для которого одни псевдо-аналогонимы не представляют никаких проблем, в то время как кажущиеся очевидными его подводят. Так как псевдо-аналогонимия — понятие сопоставительной лексикологии, а не дидактики, она охватывает все пары слов, формально соответствующие ее критериям. Однако среди них можно выделить некоторые особенно трудные случаи.

---

⁷ »besteht ein ›faux ami‹ nicht objektiv zwischen zwei Sprachen, sondern es ist immer ein individueller Sprecher davon betroffen«.

Опасность ошибки существует, прежде всего, когда псевдо-аналогонимы относятся к одному и тому же лексико-семантическому полю, напр. полю развлекательных действий:

- (11) рус. *играть* = блг. *играя* ‘забавляться; играть в игру; исполнять роль’
 рус. *играть* = *свирия* ‘исполнять музыкальное произведение’
 блг. *играя* = рус. *танцевать, плясать*

Часто, хотя и не всегда, можно найти конкретное родовое понятие для псевдо-аналогонимов, так что сравниваемые слова являются однородными видовыми понятиями:

- (12) рус. *дыня* = блг. *пънеш*
 блг. *диня* = рус. *арбуз*
- (13) рус. *година* (высок.) = блг. *време, момент*
 блг. *година* = рус. *год*

Родовыми понятиями в примерах 12—13 являются соответственно ‘плод бахчевого растения семейства тыквенных’ и ‘время’.

Стоит отметить, что к одному лексико-семантическому полю относятся и слова с противоположными значениями; например, оба следующих псевдо-аналогонимов могут обозначать человеческие качества:

- (14) рус. *вредный* = блг. *вреден* ‘причиняющий вред, опасный’
 рус. *вредный* = блг. *неприяжен* ‘неприятно настроенный’
 блг. *вреден* = рус. *ловкий, умелый*

Также один из псевдо-аналогонимов может быть родовым понятием другого.

- (15) рус. *ягода* = блг. *сочен зърнест плод от храстови растения*
 блг. *ягода* = рус. *клубника*
- (16) рус. *палец* = блг. *пръст*
 блг. *палец* = рус. *большой палец*

Чонгарова (1992: 77) в связи с этим говорит о *включении* одного понятия другим. Не следует, однако, смешивать этот термин с вышеупомянутым *отношением включения*, которое относится к объему значений в смысле многозначности, в то время как *включение* связано с «шириной значения» («Bedeutungsbreite», Хенгст 1977: 257) в смысле «широкозначности» (Чонгарова 1992: 78). В качестве примеров *включения* Чонгарова приводит также следующие псевдо-аналогонимы:

- (17) рус. *неделя* = блг. *седмица*
 блг. *неделя* = рус. *воскресенье*
- (18) рус. *бор* = блг. *борова гора*
 блг. *бор* = рус. *сосна*

Действительно, феномен здесь похожий, но не тот же. Ведь в примерах 15—16 дело идет о родовых и видовых понятиях (т. е. о *гипонимии*), так что логически всегда верно, что «клубника — это ягода», «большой палец — это палец» и т. д. В примерах 17—18, однако, такое отождествление (+«воскресенье — это неделя», +«сосна — это бор») невозможно, потому что они находятся в отношении части к целому (т. е.

партонимии). Следовательно, было бы точнее различать *гипонимическое* (или *родовое*) *включение* от *партонимического включения*.

Иногда семантическое различие между псевдо-аналогонимами состоит только в маленьком нюансе, например, в следующем случае — в степени холода:

- (19) рус. *холод* = серб. *хладноћа, студен, зима*
серб. *хлад* = рус. *прохлада; тень*

Здесь можно однозначно определить, что эти слова, схожие по семантике, все же неэквивалентны.

До сих пор речь шла только о *семантических* различиях. Однако и совершенно идентичные по своей семантике слова могут оказаться псевдо-аналогонимами, отличаясь друг от друга, например, стилистически. Так, слова *длань* и *уста* считаются в русском языке устаревшими и поэтому имеют архаичную или поэтическую окраску, когда они встречаются в современных текстах. В противоположность этому, в болгарском языке *длан* и *уста* — нейтральные слова, соответствующие русским *ладонь* и *рот* соответственно.

В то время как на *вероятность* ошибки влияет отношение между значениями двух слов, от **значения самого по себе** главным образом зависит, какие последствия ошибка будет иметь. Например, псевдо-аналогонимы, содержащие точное определение времени или места, могут привести к тому, что люди не придут вовремя на встречу или не найдут нужную дорогу.

- (20) рус. *направо* = блг. *на дясно*
блг. *на право* = рус. *прямо*

- (21) рус. *с утра* = серб. *ујутро*
серб. *сутра* = рус. *завтра*

Опасность «неловких положений» возникает, когда употребляемое слово вместо желаемого значения обозначает понятие специфической сферы употребления:

- (22) рус. *кал* = блг. *екскременти*
блг. *кал* = рус. *грязь*

Особым случаем является русский глагол *писать*: с ударением на втором слоге у него то же безобидное значение, что и у болгарского аналогонима *пиша*. У последнего, однако, ударение ставится на первый слог, а с такой акцентуацией в русском языке получается слово с иным значением и разговорной окраской:

- (23) рус. *писа́ть* = блг. *пи́ша*
рус. *пи́сать* (разг.) = блг. *пика́я*

Однако необходимо подчеркнуть, что фактор значения двух слов модифицируется соотношением между их значениями, что поясняет следующий пример:

- (24) рус. *грудастый* = серб. *грудаст* ‘зернистый, гранулёзный’
рус. *грудастый* = серб. *са великама грудима* ‘с большой грудью’

Здесь из-за существующего между этими словами отношения включения ошибиться можно только при переводе с русского языка на сербский. Значит, единственная

возможная ошибка заключается в том, что русскоязычный человек, желающий по-сербски охарактеризовать женщину с большой грудью, употребляет специальный термин со значением 'зернистый'. Также относительно безопасны псевдо-аналогонимы, являющиеся бранными словами на обоих языках.

- (25) рус. *простак* = серб. *глулак*
серб. *простак* = рус. *грубиян, невежа*

Итак, для определения «опасности» псевдо-аналогонимов можно сказать, что значения двух сравниваемых слов, которые могут влиять на последствия потенциальной ошибки, сами по себе имеют второстепенную значительность. Более важным оказывается вид соотношения между значениями, влияющий на вероятность ошибки. Пары псевдо-аналогонимов представляют собой особую «опасность», когда значения многозначных слов пересекаются или когда существует семантическая связь (близость или антонимичность) между отдельными их значениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Алянский 1971: С. М. А л я н с к и. Сусрети с Блоком: Како је умирао Блок. / Перевод с серб. яз.: С. Богдановић. — Београд, 1971.
- Алянский 1972: С. М. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. — Москва, 1972.
- Будагов 1963: Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). — Москва, 1963.
- Бунчич 2000: Д а н и е л ь Б у н ч и ч. Псевдо-аналогонимия: «Ложные друзья переводчика» как единица сопоставительной лексикологии // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. — Вып. 11: Секция лексикологии и лексикографии (русско-славянский цикл) / Под ред. Л. И. Ивашко и И. С. Лутовиновой. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 14-18.
- Гаугер 1989: H a n s - M a r t i n G a u g e r. »Falsche Freunde« zwischen dem Deutschen und dem Spanischen: Ein lexikalisches Problem für Lernende (und Lehrende) // Nelson Cartagena, Hans-Martin Gauger. Vergleichende Grammatik Spanisch-Deutsch. — Том 2. — Mannheim, 1989. — С. 581-615.
- Ивир 1968: V l a d i m i r I v i r. Serbo-Croat—English false pair types. // *Studia romanica et anglica zagrebiensia*. — № 25/26. — 1968. — С. 149-159.
- Карпов 1998: В. А. К а р п о в. Внутриязыковая и межъязыковая омонимия болгарского языка // Славистический сборник. В честь 70-летия профессора П. А. Дмитриева. / Под ред. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. — Санкт-Петербург, 1998. — С. 56-63.
- Мароевич 1989: Р а д м и л о М а р о ј е в и ћ. Лингвистика и поетика превођења (међусловенски превод). — Београд, 1989.
- Милан 1989: C a r l o M i l a n. Falsche Freunde: Ein besonderes Problem der kontrastiven Lexikologie (deutsch-italienisch). // *Sprachwissenschaft*. — 1989. — С. 384-404.
- Муравьев 1985: В. Л. М у р а в ь е в. «Ложные друзья переводчика»: Пособие для учителя французского языка. — 2-е изд. — Москва, 1985. [1-е изд. Москва, 1969.]
- Ожегов 1999: С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. — Москва, 1999.
- Свободова-Хемлова 1982: J i t k a S v o b o d o v á - C h e m l o v á. Problèmes de la traduction. — Том 2: Interférences lexicales. Internationalismes, faux internationalismes et les problèmes liés à leur traduction. — Praha, 1982.
- Хашка 1989: C h r i s t i n e H a s c h k a. Zur Entwicklungsgeschichte der »faux amis«-Forschung. // *Lebende Sprachen*. — 1989. — № 4. — С. 148-152.

- Хенгст 1977: Karlheinz Hengst. Lehnwort — Internationalismus — Analogonum: Zur Semantik fachsprachlicher interlingualer Analogonyme im Russischen und Deutschen: H. H. Bielfeldt zum 70. Geburtstag. // Zeitschrift für Slawistik. — 1977. — С. 250-259.
- Хэйуорд и Мулен 1984: Timothy Hayward, André Moulin. False friends invigorated // Lexeter '83 proceedings / Под ред. Reinhard Rudolf Karl Hartmann. — Tübingen, 1984. — С. 190-198.
- Чонгарова 1992: Ирина Чонгарова. Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера (на материале русского и болгарского языков): Дисс. канд. филол. наук. — Москва, 1992.

ABSTRACT**Criteria for determining the degree of ‘danger’ associated with pseudo-analogonyms
(‘false friends’)**

Daniel Bunčić (Cologne, Germany)

Pseudo-analogonyms (also known as ‘false friends’, ‘deceptive cognates’, ‘treacherous twins’, etc.) are a source of lexico-semantic interference. They can be defined as full-words in different languages with formal congruency (i.e. similarity or regular correspondence) that do not provide the best semantic equivalent for one another, e.g. R. *stol* ‘table’ vs. Bg. *stol* ‘chair’. Whereas some pseudo-analogonyms cause a lot of trouble for almost all bilinguals, other pairs are hardly ever confused. What determines how ‘dangerous’ a pair of pseudo-analogonyms is? The degree of ‘danger’ can be analyzed on the basis of two factors: the probability of confusion, and the seriousness of the potential consequences. This paper shows that the former factor is much more important than the latter. Among the various items discussed, the risk of confusion is increased especially by an overlap of the aggregate denotations of the words in question and by a semantic connection (proximity or antonymity) between their individual definitions. With criteria like these at hand, the ‘dangerousness’ of any pair of pseudo-analogonyms can be estimated, and certain particularly nasty pairs can be singled out in order to compose effective ‘false friends’ exercises for learners or to mark them in bilingual dictionaries.